

לעילוי נשמת רשכבה'ג הגרי'ש אלישיב זיע"א

Рав Ицхак Зильбер

Недельная глава «Беаалотха»

Глава «Беаалотха» («Когда возжигаешь») разъясняет правила зажигания храмового светильника-семисвечника, определяет действия, исполнение которых заповедь, данная в главе «Тцаве» книги «Шмот» (27:20,21), возлагает на *коһаним*, и рассказывает о подготовке *левиим* к работе в Храме. Мы узнаем подробности о порядке движения евреев по пустыне и о том, где располагались при этом *левиим*, которые несли принадлежности *Мишкана*. В главе приведены заповеди праздника Песах. В ней сообщается, что в стане евреев возникло недовольство. Его истинной причиной было желание сойти с путей, предначертанных Всевышним, а предлогом – усталость, отсутствие мяса, воспоминания о якобы благополучной жизни в Египте. Глава описывает, как Всевышний покарал нечестивцев именно тем, что удовлетворил их прихоти. Конец главы рассказывает о прегрешении Мирьям, сестры Моше и Аарона, и о наказании, которому Всевышний ее подверг.

В главе «Беаалотха» уточняется очередность движения колен и говорится о порядке передвижения евреев по пустыне Синай.

«По указанию Г-спода выступали в путь сыны Израиля, и по указанию Г-спода останавливались; во все дни, когда стояло облако над скинией, стояли станом. И если пребывало облако над скинией много дней, то и сыны Израиля следовали указанию Г-спода и не выступали в путь. Бывало, что облако [лишь] несколько дней оставалось над скинией, по указанию

Г-спода станом располагались они и по указанию Г-спода выступали в путь. Бывало, что оставалось облако от вечера до утра, – когда поднималось облако утром, они выступали в путь; если же оставалось оно днем и ночью – лишь поднималось облако, и они выступали в путь. Или два дня, или месяц, или год, когда оставалось облако долго над скинией и пребывало над ней, станом стояли сыны Израиля и не двигались в путь, а когда оно поднималось, то двигались в путь. По указанию Г-спода станом располагались и по указанию Г-спода двигались

в путь, указание Г-спода соблюдали по слову Г-спода, [данному] через Моше»(9:18-23).

Зачем столько подробностей и даже как будто повторов? Ведь ясно сказано, что евреи собирались в дорогу тогда, когда облако начинало двигаться, и останавливались вместе с облаком.

Рамбан отмечает, что эти строки говорят о евреях много хорошего. Вот стоят люди лагерь в неудобном месте. Надоело, сил нет. Уйти бы отсюда подальше! Но... облако стоит на месте. Евреи не идут и даже не говорят о походе. А бывает и наоборот. Люди долго находились в пути и очень устали. Наконец остановились. Не успели как следует отдохнуть – вдруг облако двигается. Это – приказ сниматься с места. И они беспрекословно подчиняются. Или более того: на ночь остановились, а утром – снова в путь. Или остановились на целые сутки. Думают, длительная остановка, начинают разгружаться. Вдруг облако поднимается. И все снимаются с места.

Об этом говорит пророк Ирмеяһу (2:1): «Так сказал Б-г: «Вспоминаю Я благосклонность твою ко Мне в юности твоей, любовь твою, когда была ты невестою, когда шла за Мною по пустыне, по земле незасеянной».

* * *

Глава рассказывает много поучительного о том, как надо выбирать руководителей народа и судей (вспомните об этом, когда мы вернемся к этой теме в разделе «Дварим»).

Моше сказал Б-гу:

«Не могу я один нести [на себе ответственность за] весь этот народ, ибо слишком тяжело это для меня» (11:14).

Б-г ответил Моше:

«Собери Мне семьдесят человек из старейшин Израиля, о которых ты знаешь, что они старейшины народа и его надзиратели, и приведи их к Шатру Собрания, и предстанут они там с тобою [предо Мною]. И Я сойду, и буду говорить с тобой там, и возьму от духа, который на тебе, и возложу на них. И они будут

Продолжение на странице 2 ▶

◀ Начало на странице 1

нести с тобой бремя народа, и не будешь нести ты один» (11:16,17).

Кто же эти люди, надзиратели? В главе «Шмот» одноименной книги (5:14) мы читаем: «И избивали надзирателей [из] сынов Израиля, которых поставили над ними начальники фараона, [избивали] со словами: «Почему вы не изготовили, [как прежде], положенного числа кирпичей ни вчера, ни сегодня?»

Согласно преданию, на каждые десять евреев приходился один надсмотрщик – учетчик, от которого египтяне требовали выполнения нормы. А она была практически невыполнима. И египтяне избивали надсмотрщиков, требуя, чтобы они назвали имена тех, кто работает хуже других или мешает выполнению нормы. Надзиратели не должны были работать, но старались помочь своим братьям, трудились вместе с ними и терпели побои за то, что никого не выдавали. Из таких людей Б-г велел выбрать судей и руководителей.

И еще одно наставление о том, как должны поступать руководители народа.

Назначая старейшин, Моше нужно было выбрать семьдесят человек из двенадцати колен. Моше задумался: как быть? Если взять от каждого колена по пять человек, получится шестьдесят, взять по шесть – получится семьдесят два. Значит, из десяти каких-то колен надо взять по шесть человек, а из двух остальных – по пять. Начнутся обиды... Тогда Моше написал на семидесяти записках слово «закен» («старейшина»), а две записки оставил пустыми. Тот, кто вынул записку, где было написано «закен», – стал старейшиной, а тот, кому досталась пустая, не обиделся. Всегда нужно заботиться о том, чтобы не было обид и обвинений в предвзятости, и это правило поведения особенно важно для руководителя.

Так же поступил Моше и с первенцами (об этом рассказывается в главе «Бемидбар»).

Как вы, возможно, знаете, если первый ребенок у матери – сын (при этом он не обязательно должен быть первым у отца), мы совершаем ритуал, который называется *пидьон ха-бен* – «выкуп сына». Почему?

При исходе из Египта Б-г умертвил всех египетских первенцев, а еврейских оставил в живых. Отныне первенцы были посвящены пощадившему их Всевышнему, т.е. предназначены для службы в Храме. В дальнейшем Г-сподь по-

требовал, чтобы родители выкупали своих первенцев и отдавали выкуп *коханам*, потому что после истории с золотым тельцом, в которой первенцы приняли участие, а *левиим* – нет, Всевышний передал право священнослужения *левиим*. Историю эту Тора излагает в главе «Ки тиса» книги «Шмот».

Хотя Храма у нас сейчас нет, родители и по сей день выкупают первенцев от службы в Храме.

Когда Моше исчислил первенцев и *левиим*, оказалось, что первенцев – 22.273, а *левиим* – 22.300. Каждый *леви* в пустыне выкупал первенца самим своим существованием – ибо не надо выкупать того, кого кто-то собой заместил. Но триста *левиим* сами были первенцами, а значит, несли выкуп за себя и других выкупить не могли. Получается, что на 22.273 первенца пришлось 22.000 *левиим*, так что 273 первенца оставались невыкупленными. Кто же именно? Кому из родителей придется платить выкуп? И тут Моше опять бросил жребий: на 273 билетах был указан размер выкупа – «пять шекелей», а на 22.000 было написано: «сын Леви». Вынувший билет с ценой выкупа платил пять монет, а вынувший билет со словами «сын Леви» ничего не платил (гл. «Бемидбар» одноименной книги).

* * *

В главе «Насо» мы, забегаая вперед, указали, что в последней части «Беаалотха» содержится эпизод с Мирьям, наказанной за злословие в адрес брата. Говорили мы об этом и в главе «Мцора» раздела «Ваикра». Посмотрим же теперь, как описан этот эпизод в Торе.

«И говорила Мирьям с Ахароном о Моше, о женщине-абиссинке, которую он взял, ибо абиссинку взял он [в жены]. И сказали они: «Разве только с Моше говорил Г-сподь? Ведь и с нами Он тоже говорил!» И услышал Г-сподь. А Моше [был] скромнейшим человеком из всех людей на земле. И Г-сподь сказал вдруг Моше, и Ахарону, и Мирьям: «Выйдите втроем к Шатру Собрания». И вышли они втроем. И сошел

Г-сподь в столпе облачном, и стал у входа в шатер, и призвал Ахарона и Мирьям, и подошли они оба. И сказал Он: «Послушайте-ка Мои слова. Если есть у вас пророк, то Я, Г-сподь, в видении открываюсь ему, во сне говорю с ним. Не так Мой раб Моше. Во всем Моем доме он – [Мой] доверенный. Из уст в уста Я го-

Продолжение на странице 3 ▶

◀ Начало на странице 2

ворю с ним, и открыто, а не загадками... Почему же не побоялись вы говорить против Моего раба, против Моше?..» И облако отошло от Шатра, и вот – Мирьям покрыта проказой, как снегом» (12:1-10).

«И была заключена Мирьям за пределами стана семь дней...»(12:15).

Непонятно. Что это за жена-абиссинка? Откуда она взялась? А если Моше действительно был женат на абиссинке, то за что наказана Мирьям, говорившая об этом с Ахароном?

Желая отметить красоту Ципоры, жены Моше, Тора называет ее негритьянкой, чернокожей, т.е. словом, обратным по значению, подобно тому, как Талмуд называет слепого зорким.

Почему Мирьям заговорила о ней с братом? Началось все так.

Когда Моше выбирал старейшин народа, чтобы они разделили с ним бремя руководства, на двух из них – Эльдада и Мейдада снизошел пророческий дух (11:26). Мирьям в это время стояла рядом с Ципорой и предложила ей: «Пойдем, поздравим их жен!» Но Ципора отнеслась к этому предложению без энтузиазма. Мирьям удивилась. Ципора объяснила ей: «Скажу тебе правду. С того момента, когда мы все слушали десять заповедей, Моше обращается со мной только как брат с сестрой (т.е. отказывает в супружеской близости. – И. 3.). Не случится ли и с ними то же самое?»

Надо отметить, что перед получением Торы у горы Синай, перед тем, как услышать десять заповедей от Самого Всевышнего, евреям на

три дня были запрещены интимные отношения: «Будьте готовы к третьему дню, не приближайтесь к женщине» (Шмот, 19:15). Когда десять заповедей были произнесены, Б-г сказал Моше: «Иди, скажи им: «Возвратитесь в свои шатры». А ты останься здесь со Мной, и Я передам тебе все заповеди... и законы, которым ты их научишь...» (Дварим, 5:27,28).

Т. е. Б-г разрешил евреям вернуться к обычной жизни, а Моше велел постоянно быть готовым к общению с Собой, а значит – запретил ему отношения с женой.

Мирьям же подумала, что Моше ведет себя так по собственной инициативе и что он неправ, «ибо абиссинку (красивую женщину. – И. 3.) взял он [в жены]» и имеет перед ней определенные обязательства. Обеспокоенная Мирьям пришла к Ахарону посоветоваться: «С нами ведь тоже говорит Г-сподь, но мы не прекращаем супружеские отношения. По-видимому, Моше считает себя выше других».

Теперь становится понятней, в чем заключалась вина Мирьям. Обратись она со своими сомнениями к Моше, никакого греха бы в этом не было. Но разговор такого рода с Ахароном, пусть даже он не посторонний человек, а родной брат, сочтен *лашон ха-ра* – злословием. Повторим же мысль Рамбама: если пророчицу Мирьям Б-г наказал за необдуманные слова, то уж нам, не имеющим ее заслуг, наверняка не избежать наказания за тот же грех.

По материалам сайта Toldot.ru

Рав Ашер Кушнир

Вопросы и ответы

Кашерная еда и добросердечные родственники

Уважаемый Рав, я стал соблюдать кашрут. Но теперь не знаю, как быть, как себя вести у родственников. Они добросердечны, и я всегда у них ел. Скоро я должен их навестить и почувствую, что они меня чем-то накормят. Что делать?

Попробуем разобраться это с помощью вымышленной сцены.

Пролог. Абраша, прикрыв кипу кепкой, постучался к тётке Бэле. «Ой, Абрамчик! — обрадовалась тётя, — заходи!». Она обцеловала дорогого племянника и потащила его в салон к громко-работающему телевизору. Посидели, поболтали, прошлись по всем родственникам, обсудили последние новости, а тем

Продолжение на странице 4 ▶

◀ Начало на странице 3

временем с кухни вкусно запахло. «Я как раз сварила твой любимый борщик со сметанкой, как положено...». На этом этапе Абраша покраснел, и нижняя губа у него задрожала, и, заикаясь, он выдавил: «Я, я не могу есть у вас, тётя... Некашерно!». Тётя вспыхнула в шоке и чуть не задохнулась от обиды: «У тётки Бэлы некошерно-о?! У меня всё кошерно! Всё чисто помыла! А ну, давай, паршивец, ешь быстренько! Мне твоя кепка с первого взгляда не понравилась!». Абрамчик сделал ещё одну попытку отказаться. Тогда тётя поменяла тактику и мягко и доверительно прошептала: «Абраша, я никому не расскажу. Всё останется между нами. Я вот тебе свежие сосисочки сварила...».

Эпилог. Абрамчик без кепки с кислой физиономией допивает компот из червивых сухофруктов... **Конец.**

Как же Абраше и всем в подобной ситуации надо было себя вести?

Есть интересная еврейская притча. Жил был волк. Однажды он захотел поужинать и забрался в загон с овцами, и так плотно перекусил там, что заснул. Утром проснулся оттого, что услышал, как вокруг него шумят деревенские дети. Волк! Волк! Стал он думать. Меня окружили, убить могут, дай-ка прикинусь мёртвым, меня выбросят, и так жить останусь. Решил и прикинулся. А дети, дети не городские, а деревенские, приблизились поближе. «Ой! Волк-то мёртвый. А ну, дай я ему хвост отрежу!» — вскричал один мальчишка и достал ножичек. И вдруг волк чувствует: А-А-А! Режут хвост, но тут же успокоительная мысль пришла: главное остаться живым! А хвост? Бывают волки и без хвостов. Только закончили с хвостом, чувствует, уши режут. А-А-А! Что ж, можно и без ушей, главное — живым остаться... Продолжение у притчи неэстетично и негуманно: у волка отрезали всё, что можно отрезать, а в конце... убили!

Мораль сей притчи такова: если бы волк не прикинулся мёртвым, а вскочил бы и прорычал: «Я волк!!!», все бы испугались и убежали. Так и цел, и жив бы остался. А кто прикидывается мёртвым...

Так и с Абрашей. Признаваться в том, что он религиозный, было ему не под силу. Вот и решил он прикинуться мёртвым. Смотрел в телевизор, как тётя, позлословил, как тётя, погржал, как тётя, и только когда дошло до еды — не-е... я не такой, вы не кашерны... Тогда родственники достали «ножичек», ты смотри на него... хвостотрежем! Давай ешь! И в конечном итоге прибили, то есть накормили...

А вот если бы Абраша сразу смело и уверенно сказал: «Тётя!! Я стал соблюдать многовековую еврейскую традицию! Я хочу быть религиозным, как наши прадедушки!». О! Вот тогда тётя Бэла поохала бы несколько минут, а потом... даже уважать бы начала.

Надо знать, что когда кто-то в чём-то не уверен, то ли в своих взглядах, то ли действиях, он пробуждает в окружающих естественное желание его окончательно добить! Но когда кто-то, то есть Абраша, уверен в своей религиозности, спокоен и решителен, то вряд ли даже в голову тётки Бэлы придёт идея его чем-то покормить.

Но если Вы не в состоянии промолчать, то ищите аргументы нелогичные, то есть выражающие не логику, а Ваши чувства. В светском мире, откуда мы с Вами пришли, есть одно правило, которому все подчиняются: в том мире каждый имеет право сходить с ума по-своему, без аргументов, без логичности, без почему.

Поэтому самый убедительный для Вас аргумент крайне прост. Почему я религиозный? А мне так нравится! Я люблю быть датишником! И всё!

По материалам сайта Toldot.ru